

Михаил Петрович Арцыбашев

Ужас

Михаил Арцыбашев

Ужас

«Public Domain»

1905

Арцыбашев М. П.

Ужас / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1905

«По обыкновению, весь вечер Ниночка провела у старичков Иволгиных. Ей было хорошо, весело у них и потому, что у старичков было светло и уютно, и потому, что от молодости, радости и надежд, наполнявших ее с ног до головы, ей везде было весело. Все время она болтала о том, как удивительно ей хочется жить и веселиться. Часов в одиннадцать она собралась домой, и провожать ее пошел сам старичок Иволгин...»

© Арцыбашев М. П., 1905

© Public Domain, 1905

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Михаил Петрович Арцыбашев

Ужас

I

По обыкновению, весь вечер Ниночка провела у старичков Иволгиных. Ей было хорошо, весело у них и потому, что у старичков было светло и уютно, и потому, что от молодости, радости и надежд, наполнявших ее с ног до головы, ей везде было весело. Все время она болтала о том, как удивительно ей хочется жить и веселиться.

Часов в одиннадцать она собралась домой, и провожать ее пошел сам старичок Иволгин.

На дворе было темно и сыро. От реки, невидимой за темными, смутными силуэтами изб и сараев, слитых в одну и призрачную, и тяжелую черную массу, дул порывистый, сырой и упругий ветер, и слышно было, как грозно и печально гудели вербы в огородах.

На реке что-то сопело, медленно ползло с тягучим нарастающим шорохом и вдруг рассыпалось с странным звоном, треском и всхлипыванием.

– Лед тронулся, – сказал Иволгин, с трудом шагая против ветра.

Ветер рвал и мотал полы его шинели и юбку Ниночки и откуда-то брызгал в лицо мелкими холодными каплями.

– Весна идет! – весело и звонко, как все, что говорила, ответила Ниночка.

И действительно, казалось, что во мраке ночи кто-то идет по реке, по воздуху, по ветру. Идет властный, могучий, теплый и сырой.

– Вот скоро вы и домой! – сказал Иволгин, только для того, чтобы сделать приятное милой девушке, такой молодой, такой веселой, доброй и нежной, всегда возбуждавшей в его старом сердце особенное и теплое, и радостное, и грустное чувство.

– Да, теперь, слава Богу, скоро уже! – отворачиваясь от ветра, прокричала Ниночка, и голос ее радостно и сладко вздрогнул.

Они прошли темную и мокрую улицу и повернули на площадь. Там было пусто и веяло холодом, как из погреба. У ограды церкви еще лежал талый снег и смутно белел в сероватой мгле. За церковью, едва видной из темных и голых деревьев, точно черными костями шуршащих верхушками, выдвинулся большой кирпичный, с голыми углами, дом и взглянул прямо им в глаза двумя яркими освещенными, зловещими от общей тьмы, окнами.

– А, кто-то приехал, – с любопытством сказала Ниночка.

Они дошли до ворот, заглянули во двор, темный и глухой, откуда дохнуло в лицо теплым мокрым навозом, и остановились под крыльцом школы.

Ниночка протянула руку. Иволгин дружески пожал ее маленькие нежные пальцы своей старой ладонью и сказал:

– Спокойной ночи, маленькое счастье!

Надвинув ушастую фуражку на уши и торопливо перебирая палкой, он пошел назад, оглянулся на окна, мелькнул согнутой спиной в полосе их яркого света и ушел в серую ветреную мглу.

Ниночка торопливо поднялась на крыльцо и постучалась в темное окно. Кто-то вышел из ворот и, тяжело шагая по лужам, подошел снизу к крыльцу.

– Это ты, Матвей? – спросила Ниночка. – Ключ у тебя?.. Кто приехал?..

– Я, барышня, – сипло и хрипло ответил черный человек.

– У тебя ключ?

– Тут...

Матвей, скрипя ступеньками, поднялся на крыльцо, протиснулся мимо Ниночки и открыл дверь. Тихо скрипнув, она тяжело осела в черную тьму. Запахло хлебом.

– Кто приехал? – опять спросила Ниночка.

– Следователь с доктором да становой... В Тарасовке мертвое тело объявилось...

Ниночка ощупью прошла сени, вошла в классную и долго искала спичек.

– Куда я их всегда засуну?..

Матвей стоял где-то в темноте и молчал.

Ниночка нашла спички и зажгла лампу. Слабый свет, дрожа и замирая, расплылся по комнате, уставленной похожими на гробы партами.

– Мне, барышня, надо за лошадьми на почту идти и чтоб понятых в Тарасовку тоже...

– Ночью? – удивилась Ниночка, стоя перед ним с лампой.

Матвей повел шеей и вздохнул.

– Вы бы, барышня, лучше к батюшке, что ли, пошли, а то дюже пьяные. Орут, спать вам не дадут, гляди.

– Ничего, – ответила Ниночка, – а разве очень пьянствуют?

– Да, известно, – не то с досадой, не то с завистью неохотно ответил Матвей и опять вздохнул. – Целый вечер без передыху пили... Вы бы, пра, к батюшке... А то это у них на цельную ночь...

– Ничего, – опять ответила Ниночка.

Матвей неодобрительно помолчал.

– Ну, так я пойду, значит.

Ниночка проводила мужика, заперла за ним дверь на засов, прошла в классную и ушла с лампой в свою комнату.

И сейчас же из-за запертой и завешанной ковром двери, которая отделяла комнату Ниночки от комнаты «для приезжающих чиновников», она услышала громкий, совсем пьяный смех, звон стекла и скрипение дивана. Из-под двери сильно тянуло табаком и еще чем-то тяжелым и горячим.

Ниночка отворила форточку, с любопытством оглянулась на дверь и, наставив ухо, прислушалась.

– Ладно, ладно... знаем мы вас!.. А сам небось давно уж зондировал... – кричал кто-то грубым и неприятным голосом.

– Тише, ты! – захлебываясь пьяным и тупым смехом, сказал другой.

И все трое захохотали так, что дверь задрожала.

– Нет, ей-Богу, господа, всего только один раз...

Ниночке вдруг стало отчего-то обидно и тяжело, хотя она ничего и не поняла. Смущенно и нерешительно она отошла к столу.

«И правда, лучше бы остаться ночевать у Иволгиных», – пугливо и брезгливо подумала она.

За стеной кричали, шумели, двигали стульями и иногда, казалось, начинали драться, как дикие звери в клетке.

Ниночка старалась не слушать. Она задумчиво сидела у стола, смотрела на огонь лампы и думала:

«А еще говорят, что образование смягчает человека... Наши мужики не стали бы так орать... Ведь знают же они, что я здесь... Нет, скверный человек от образования становится еще сквернее... точно он нарочно все это делает».

Потом она стала думать, что к концу апреля уже можно будет уехать.

«Хоть бы уже скорее... устала!»

И Ниночка бессознательно делала усталое, скучное лицо, но вместо того ей представлялось что-то веселое и светлое, впереди мелькали какие-то интересные лица, открывался

какой-то широкий и яркий простор, и губы ее тихо и радостно улыбались потемневшим задумчивым глазам.

Кто-то вдруг дробно и отчетливо постучал в дверь.

Ниночка вздрогнула и подняла голову.

– С...сударыня, – так близко, точно в этой комнате, громко прокричал кто-то, – нельзя ли у вас с...свечечкой одолжиться?.. У нас лампа тухнет.

Ниночка застенчиво улыбнулась, как будто ее мог видеть говоривший, и так же застенчиво ответила:

– Ах, пожалуйста...

Она встала, торопливо порылась в комоде, достала свечу и подошла к двери. Задвижка была на ее стороне, Ниночка отодвинула ее, чуть-чуть приотворила дверь и просунула в щелку руку.

– Вот возьмите, пожалуйста.

– Тыс-сяча бл-а-дарностей, сударыня... – неестественно вежливо и пьяно путаясь, проговорил тот же голос, и Ниночке показалось, что он расшаркался, но свечи не брал. Ниночка держала руку за дверью и смущенно двигала свечой. Ей послышалось, как будто кто-то хихикнул, и вдруг почувствовала, что вблизи ее руки гадко, тайно и молчаливо делается что-то. Но прежде чем она успела сообразить что-нибудь, потная пухлая рука взяла свечу, с фривольной любезностью слегка прижав кончики пальцев Ниночки к скользкому, холодному стеариону.

– Мерси, мерси, сударыня, – торопливо и еще более неестественно проговорил тот же голос.

– Не стоит, право, – машинально ответила Ниночка и втянула руку обратно.

В соседней комнате как будто затихло. Слышалось только смутное, сдержанное гудение.

Ниночка успокоилась, села на кровать, устало вздохнула и стала раздеваться. Она сняла башмаки, юбку и кофточку и осталась сидеть в одной рубашке и длинных черных чулках, с голубыми резиновыми подвязками. Плотно обтянутые черным ноги казались мило маленькими и детски нежными, руки, тоненькие и круглые, наивно блестя. Она стала причесываться на ночь: выбрала шпильки на колени, начала плести косу.

– Сударыня, – опять раздался за дверью голос, – мы пьем чай... может, вы желаете с нами чашечку?

Голос был тот же пьяный, неестественно галантный, но что-то новое, беспокойное послышалось в нем: казалось, что при каждом слове у говорившего жадно и тревожно раздувались ноздри.

– Нет, спасибо! – испуганно ответила Ниночка, хватаясь за одеяло.

Голос умолк, и наступила тишина. Одну секунду казалось, что все молчит, но потом в форточку стало слышно далекое шуршание и сопение на реке. Ветер рванул ставню и прогудел по крыше, откуда посыпалось что-то и с стеклянным звоном разбилось внизу. Должно быть, сорвалась ледяная сосулька.

Нина тихо, почти крадучись, будто стараясь спрятаться, легла и натянула на себя одеяло до самого подбородка. Глаза у нее округлились, и с непонятным, но холодным ужасом, не моргая, смотрели на дверь, а в голове, точно испуганные птицы, быстро и странно кружились мысли:

«Надо бежать... Хоть бы Матвей пришел...» Но вместо того чтобы бежать, она боялась пошевелинуться, крепче притягивая к подбородку одеяло судорожно зажатými пальцами и стараясь себя успокоить:

«Чепуха, пьяные... что они могут сделать?.. Не посмеют же они войти...»

Ей казалось, что это так просто и несомненно, но в эту же минуту она уже чувствовала приближение чего-то невероятного, нелепого, но ужасного. За дверью было тихо.

– Ну да... а задвижку-то небось оставила... – страшным тихим шепотом прошептал кто-то близко-близко, точно над самым ухом Ниночки. И от этого шепота, ужасного именно тем, что он был еле-еле слышен, а она услышала его так, точно кто-то прокричал пронзительно и громко, смертный страх ударил в голову Ниночки. – А чем мы рискуем?.. – вошел в ее ухо тот же острый шепот, и в ту же минуту послышался странный, осторожный и зловещий шорох. Как будто за ковром кто-то тихо, чуть дыша, пробовал отворить дверь. Все хлынуло и закружилось в голове Ниночки, страшный животный ужас охватил ее тело и душу, какая-то острая и яркая мысль об ужасной, невероятной бессмыслице и о неизбежности осветила, казалось, весь мир, и как будто кто-то бросил ее. Ниночка вскочила и стала возле кровати, полуголая, маленькая и острокрасивая, как зверек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.